

А если так, то несомненно, что и мечта Некрасова сбудется, потому что, сколько бы ни понадобилось для этого времени, — образ Белинского уже не померкнет. Он пережил свой период испытания и остался нетленным, в ожидании, когда к нему проложится и уже

...не зарастет народная тропа!

П. Л. ЛАВРОВ

Аннибаловы клятвы. По поводу памяти Белинского Послано для прочтения 7 мая 1898 года на собрании русских *

Сегодня русская колония в Париже как бы заявляет свою солидарность с многочисленными собраниями русских, чествующих в этом году память одного из самых крупных деятелей нашей литературы и нашего общества. Перед русскою интеллигенциею 90-х годов этого века встали многочисленные вопросы, которых не знали люди его первой половины. Разнообразны слои этих жизненных вопросов, волнующих новые поколения и вызывающих в них сознание общего дела и сознание разницы в соперничающих фракциях; но, под этими слоями, добросовестный наблюдатель признает одну и ту же старую почву: и новое общее дело, и частные задачи новых фракций русской интеллигенции выросли на той почве, которую выработали литературные энтузиасты 40-х годов,

---

* Эту речь я имел в виду лично прочесть на русском собрании в память Белинского, но болезнь помешала мне исполнить это намерение. Кроме того способ созыва этого собрания навел меня в последнюю минуту на мысль, что на него, как и на дозволенные собрания в России по тому же поводу, могут сойтись такие мои соотечественники, которым будет *неудобно* выслушивать эту речь в том виде, как она написана. Я и послал ее для прочтения в несколько смягченной форме. Здесь ничто не мешает поместить ее в первоначальном виде.

тех годов, лучшим и самым характеристическим воплощением которых был Белинский. Его учениками признавало себя поколение, непосредственно за ним следовавшее. Его имя пишут во главе родословной своей умственной эволюции и те, которые вдумались в сложный комплекс нынешних, уже гораздо более сложных, общественных и литературных задач.

И вот изо всех концов России летят известия о чествовании Белинского¹. Его поклонниками, его учениками, его последователями провозглашают себя люди всех поколений. Его чествуют и в столицах, и в провинциальных захолустьях — где теперь, по-видимому, как бы автоматически, но все шире идет культурная волна, рядом с тяжелым гнетом, лежащим на всем том, что не довольствуется культурными успехами; на всем том, что бьется над внесением в жизнь русского народа более широких идейных начал. Вся интеллигентная Россия находится в рядах чествователей Белинского, и вне этого общего признания остаются лишь те, со стороны которых прославление было бы оскорблением памяти великого русского общественного деятеля на почве литературы.

Он заслужил этот почет. Он действительно был воплощением исторического момента в жизни русской интеллигенции и как писатель, и как человек. Но заслужили ли право его чествовать, заслужили ли право признавать себя его учениками все те, которые теперь толпятся на празднествах в его честь? те, которые произносят торжественные речи, где повторяется его имя? — Поколение его современников вымерло или окончательно вымирает. Пред молодым поколением, представители которого меня окружают здесь, лежит еще будущее, и им лишь в этом будущем следует показать, сумеют ли они быть учениками Белинского как писателя и как человека, сделавшись борцами в рядах нового поколения. Но вот в рядах чествователей люди, которые, как деятели 50, 60, 70, 80 и 90-х годов, передавая друг другу имя старого учителя, как святыню, и теперь находят возможным громко провозгласить свое поклонение этой святыне. Почтили ли они, эти ученики и поклонники, жизнью и делом память учителя? Бились ли они за его идеалы против врагов его учения и его памяти с тем единством и с тем самоотвержением, которое одно могло быть истинным, искренним чествованием «неистового Виссариона»?

Прошло 50 лет после его смерти. Мы все знаем теперь, как пережил великий учитель свои последние годы; какой почет ждал его в то время, которое следовало за его смертью. Припомним, как рисуется пред нами в ту эпоху образ того, кого теперь чествует вся Россия, кому теперь русские люди воздвигают памятники?

Художник уловил образ Белинского на его смертном одре. Что изображает картина? ² Жандарм приходит справиться у постели умирающего, можно ли ему тащить к ответу пред палачами того, кому теперь собираются воздвигнуть памятник? А чего можно было ждать от этих палачей, можно заключить из того, что в это самое время Батенков, за дело, восходившее более чем четверть века назад, только что отсидел «двадцать лет в одиночном заключении, в полутемной комнате в 10 шагов в длину и 6 в ширину» ³. Какое чествование ожидало Белинского в первые годы после его смерти, можно узнать из того, что его имя не смели произнести пред лицом благочестивейшего императора, когда тот случайно обратил внимание на его дочь-подростка, воспитывавшуюся в заведении, которое самодержец удостоил своим посещением ⁴. И когда самый непосредственный и самый могучий преемник критика захотел, недолго после смерти своего предшественника, напечатать очерк периода русской литературы, наполненного делами его, Белинского, этот преемник не имел права даже упомянуть, что он пишет историю «периода Белинского» ⁵.

Да, память о великом писателе, чествовать которого собираются русские люди в 1898 году, нераздельна от жгучего воспоминания о его всемогущих врагах, которые в его лице преследовали всю интеллигенцию России; о врагах, которые старались вычеркнуть самое имя Белинского из летописи русской литературы, пытались задушить всю живую мысль русской интеллигенции; о тех врагах, которые отчасти и поставили Белинского в те условия, когда человек становится наиболее восприимчивым к патологическим процессам, а следовательно, ускорили его смерть.

И вот перед этими жгучими воспоминаниями о гнете, давившем на Белинского и на его друзей тому 50 лет, невольно спрашиваешь себя, чем в эти полвека проявило свою преданность идеям Белинского большинство тех, которые теперь провозглашают себя его учениками и последователями потому, что это теперь дозволяется? Чем проявило это большинство свою ненависть к врагам Белинского, к той власти, которая сделала почти все, от нее зависевшее, чтобы погубить великого учителя и довести его деятельность до минимума? Никто из нас не забудет несколько почетных имен, которые в самые трудные годы боролись как могли против деморализующего абсолютизма, против врагов народа русского. Молодежь зачитывалась страницами смелых поэтов и сатириков, где им удавалось воплотить в горькое или грозное слово страдания подавленного народа. Целые поколения этой молодежи шли в ссылку, в тюрьмы, на виселицу в открытой борьбе против власти, законность

которой они не признавали и примириться с которой их не допускало убеждение. Но борцы в области слова сходили один за другим в могилу. Но борцы в области энергического дела легли костями в неравной битве. Лишь очень немногие из этих истинных учеников могут теперь поднять бокал в честь великого учителя, замученного жизнью тому полвека. Лишь немногие могут добросовестно сказать теперь своему учителю: «Мы исполнили твой завет; мы боролись, насколько могли и как могли с твоими врагами, с врагами русского народа». Прошло полвека, и эта враждебная власть все еще стоит во всей силе, не поколебленная, не подорванная в своем расчете на полицию и на палачей. Жалкие и наивные голоса не стыдятся толковать и теперь о надежде на эту самую деморализующую власть, о приспособлении к существующим порядкам. Это ли достойное чествование того учителя, который не знал уступок?

Для меня эти празднующие ученики гонимого учителя могут быть разделены на две категории.

Одним приходится лишь припомнить со стыдом свое прошедшее и произносить имя учителя лишь с горьким сознанием, что полвека прошло без того, чтобы большинство их чем-либо заявило и как-либо внесло в жизнь свою ненависть к врагам своего учителя, свою решимость продолжать его борьбу против царственного зла. Для этого большинства полвека прошло без следа и без поучения. От них с возмущением отрекся бы тот, которого они теперь прославляют.

Но есть другие, которых жизнь и деятельность еще впереди. Есть русская молодежь, которой еще предстоит поставить себе жизненные цели и работать над их осуществлением. И она идет толпами на празднование памяти Белинского. Она еще *может* быть его достойными учениками. Что приносит *она* на эти общерусские празднества? Как она относится к памяти борца сороковых годов? Какие «аннибаловы клятвы» ей приходится произносить над могилу этого борца?

И в его время, как в наше, боролись фракции людей, одинаково преданных своему делу, но иначе понимавших свою жизненную задачу. Славянофилы и западники, сторонники старой, идеализированной Москвы и нового, не менее идеализированного, европейского Петербурга, вели неумолимую литературную борьбу. Однако это не мешало тогда самым энергическим борцам в рядах обеих партий давать себе одну и ту же «аннибалову клятву»: клятву работать против одного и того же частного общественного зла, которое в эту эпоху чувствовалось всеми, как самое позорное пятно на нашей родине. Таково было *крепостное бесправие*. В «аннибаловой клятве»

против него сходились Белинский и Хомяков, Аксаков и Тургенев. Для устранения этого *позора* от русской земли *возможно* было еще и содействие самодержавия в его интересах, и в 1898 году людям 90-х годов с некоторым возмущением приходится читать об обеде в Москве, где многие из лучших представителей либеральной интеллигенции того времени поднимали бокал за представителя этого самодержавия, потому что с высоты престола произвол самодержца отменил крепостничество.

Тридцать семь лет прошло с тех пор, и на почве совершившегося дела освобождения крепостных развились новые экономические и политические задачи. Споры между славянофилами и западниками заменились чуть ли не столь же раздражительной борьбой русских марксистов и народников, анархистов и организаторов, культурников и революционеров, пропагандистов в крестьянстве и на фабриках. Однако едва ли я ошибусь, если выскажу свое убеждение, что для всех этих фракций, борющихся за разные приемы созидания русского прогресса, стали на очередь и новые «аннибаловы клятвы», при произнесении которых гармонично бились бы сердца всех друзей русской земли; клятвы, произнося которые все они чувствовали бы себя союзниками и братьями. И едва ли какая эпоха была бы столь знаменательна для этого, как момент, когда вся русская живая интеллигенция празднует память «неистового Виссариона», самое произнесение имени которого было тому полвека чуть ли не государственным преступлением.

Тому полвека назад давила на признанного учителя та власть, которая посылала жандарма к его смертному одру и налагала табу на его горячее слово гражданина. И эта самая власть в настоящую минуту посылает на каторгу и на виселицу наших братьев революционеров; эта самая власть бесцеремонно, одним почерком пера уничтожает органы сторонников пропаганды на фабриках; эта самая власть становится поперек всякой живой попытки мирных культурников внести в русский народ знание и понимание. Неужели не пришло время для новой общей «аннибаловой клятвы» бороться против этой власти, против этих врагов русской жизни? Позорно было рабство эпохи Белинского, но была еще в то время в цивилизованном мире великая страна и *республика*, заклеянная тем же позором. В настоящую минуту и этого нет: Россия одна в цивилизованном мире задыхается под гнетом легального самодержавия. Неужели лучшим чествованием памяти Белинского не была бы общая клятва русской молодежи, которую теперь я одну имею в виду? Как ваши предшественники, независимо от своих споров, клялись бороться против крепостного позора русской земли, так все то в России, что

считает себя вправе чествовать имя Белинского да произнесет великую клятву: бороться против русского абсолютизма; да рухнет та мертвая сила, которая была врагом Белинского, была и осталась врагом русского народа! Да рухнет русское самодержавие!

П. А. КРОПОТКИН

<Учитель и воспитатель русского общества >

<Фрагмент>

<...>

Любопытно отметить тот факт, что критика искусства в России, с самого начала, т. е. с двадцатых годов XIX века, и совершенно независимо от господствовавшей тогда подражательности Западной Европе, приняла характер философской эстетики. Возмущение против псевдоклассицизма только что началось тогда, под знаменем романтизма, и появление поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» только что дало первый практический аргумент в пользу мятежников романтизма, когда поэт Веневитинов (см. главу II), за которым вскоре последовал Надеждин (1804–1856) и Полевой (1796–1846) — действительный основатель серьезной журналистики в России — положили основание новой критики искусства. Литературная критика, по их мнению, должна рассматривать не только эстетическую ценность произведений искусства, но, прежде всего, его руководящую идею, — его «философское», его социальное значение.

Веневитинов, собственные поэтические произведения которого носят такой высокоинтеллектуальный отпечаток, энергично указывал на отсутствие высших идей в произведениях русских романтиков и писал, что «истинные поэты всех наций всегда были философами и достигали высочайших вершин культуры». Поэт, который доволен самим собою и не преследует целей общественного усовершенствования, бесполезен для своих современников*.

---

* Я заимствую эти замечания о предшественниках Белинского из статьи проф. Иванова о литературной критике в России в «Русском энциклоп. словаре», том 32, стр. 771.